

Староста Чжан долго размышлял, всё ещё не веря своим ушам:

— Ты думаешь, у наших детей есть хоть какой-то шанс?

— Есть! — твёрдо ответил Вэнь Жунь. — По крайней мере, трое из них — Чжан Лин из вашей семьи, Ян Му из семьи дяди Яна и Лю Чжуан из семьи Лю — через три года вполне смогут сдавать экзамен.

Эти трое были самыми прилежными из пятнадцати учеников его старшей группы — и самыми одарёнными. Они усердно занимались и относились к учёбе с исключительной серьёзностью.

Чжан Лин, например, был старшим внуком самого старосты и старшим сыном старшего брата Чжана.

Ян Му — старший сын дяди Яня.

А семья Лю была единственной в деревне, у кого имелась мельница — они варили тофу и славились на всю округу как «Тофу Лю». Их старший сын Лю Чжуан, вероятно, с детства питался соевым молоком, ведь среди всех учеников он был самым крепким и здоровым: высокий рост, плотное телосложение, но при этом вовсе не глупый — учился даже очень неплохо.

Такие талантливые ребята, по мнению Вэнь Жуня, легко справятся с экзаменом на суюця!

— Это... правда? — всё ещё с недоверием спросил староста.

Вэнь Жунь ведь не был «своим» человеком, выросшим в Ляньхуаао. Да и статус цзюйжэня делал его фигурой, перед которой вся деревня благоговела. Если бы их собственные дети смогли сдать хотя бы на суюця, это стало бы гордостью для всей деревни, и тогда их благодарность Вэнь Жуню была бы ещё искреннее и спокойнее на душе.

— Да, — кивнул Вэнь Жунь. — В этот раз я уже договорился с уездными властями и учителями: моя школа теперь официально считается частной школой нашей деревни. Будем называть её «Частная школа Ляньхуа».

Такое название он придумал сам:

— Если ученики хорошо проучатся и сдадут на суюця, наша «Частная школа Ляньхуа» прославится! А если кто-то станет цзюйжэнем — я переименую школу в «Академию Ляньхуа»!

Чем дальше он говорил, тем больше воодушевлялся:

— Я, может, и не стану цзиньши, но разве не могу основать собственную академию? А может, даже стать её ректором!

Он никогда не был создан для чиновничьей службы — ни в прошлой жизни, ни в этой. Его совершенно не привлекала власть или карьера. Единственное, что приносило ему истинную радость, — это погружение в океан классической литературы. Только восточная классика дарила ему настоящее счастье.

Теперь, имея за спиной чиновничий статус, он мог вволю читать те прекрасные книги, от которых во рту оставался изысканный привкус!

А в свободное время — воспитывать талантливых детей. От такого дела переполняло чувство удовлетворения и гордости. Вот это и есть по-настоящему спокойная и счастливая жизнь.

— Погоди-погоди! — поспешно остановил его дедушка Чжан. — В нашей деревне и людей-то всего ничего! Мечта у тебя, конечно, замечательная...

Но уж слишком нереалистичная.

— Без мечты человек ничем не лучше солёной рыбы! — ещё больше развеселился Вэнь Жунь.
— Не волнуйтесь, я не стану торопить рост ростков, но и таланты хоронить не позволю. Дети у нас действительно хорошие.

Дедушка Чжань причмокнул губами и перевёл разговор обратно:

— А твоя родня там, в...

— У меня нет родни, — перебил Вэнь Жунь. — Вэньцзячжуань для меня — не родной дом. Как только я перевезу могилы родителей сюда, вся связь с ними будет окончательно разорвана.

Он уже всё узнал от Юань Дао: один из подчинённых Юань Дао женился на девушке из рода Вэнь, а та оказалась болтливой. Оказалось, что на следующий день после его «замужества» род Вэнь собрался в храме предков и вычеркнул его имя из родословной. Внести имя в родословную — дело трудное, а вычеркнуть — легко. Но вернуть его обратно? Это уж вовсе почти невозможно.

Впрочем, Вэнь Жуню и не хотелось, чтобы его имя значилось в родословной старого рода Вэнь. Ведь формально это означало бы, что он остаётся частью рода, а значит, при любом несчастье или преступлении, затронувшем род, его тоже потянет под ответственность по принципу «девяти родственных линий».

А семья старого Вана — простая и скромная: всего несколько душ, да и те — дети. Они не станут ввязываться в драки и конфликты, не наделают глупостей — вот это и есть настоящая

семья.

Как бы долго прежний хозяин тела ни жил в Вэньцзячжуане, в конце концов он умер в одиночестве, а всё имущество у него отобрали. Если бы не появление Вэнь Жуня, даже его смерть, скорее всего, списали бы на семью Ванов.

Бедные трое детей Ванов — что бы с ними тогда стало?

Подумав об этом, Вэнь Жунь окончательно убедился: возвращаться в Вэньцзячжуань он точно не будет!

— Ладно, — сказал дедушка Чжань, — но Вэньцзячжуань, боюсь, так просто не оставит тебя в покое. Ведь глава рода Вэнь — один из уездных «сянлао» (деревенских старейшин).

В уезде таких старейшин было одиннадцать. Когда возникало неразрешимое дело, решение принимали голосованием. Поскольку число нечётное, всегда находился перевес — либо «за», либо «против». Поэтому такая система считалась весьма разумной.

— Сянлао — ничто, — возразил Вэнь Жунь. — Я теперь цзюйжэнь! Даже уездный магистрат не имеет права лишить меня звания. А они-то кто такие?

Получив звание цзюйжэня, Вэнь Жунь уже вышел за пределы простого люда и вошёл в ряды местной знати — прочного среднего слоя общества, обладающего правом на государственную службу. Известные исторические фигуры вроде Хай Жуя или Цзо Цзунтаня тоже начинали именно с цзюйжэней, а затем благодаря своим способностям сделали блестящую карьеру.

Сюйцай — это ещё самый низший уровень учёных, но цзюйжэнь уже считается «сяншэнем» (местным джентльменом), а его семья автоматически становится «домом сяншэня».

Конечно, если идти на службу, возможности у цзюйжэня ограничены: обычно назначают на должности младших или средних чиновников — например, наставника (цзяюй) в школе, заместителя магистрата (сяньчэн) или главного писца (чжубу). В редких случаях, при удачном стечении обстоятельств, даже могут назначить уездным магистратом.

Хотя в глазах высокопоставленных чиновников цзюйжэнь и не стоил почти ничего, для простых крестьян он был недостижимо высок. Для бедного, голодного студента такое звание равнялось буквально «восхождению на небеса»!

Даже не вступая на чиновничью стезю, один лишь статус цзюйжэня и право на службу вызвали уважение и стремление приблизиться со стороны множества людей.

Кроме того, цзюйжэнь обладал определёнными судебными привилегиями.

Звание цзюйжэня, хоть и не самое высокое, всё же считалось официальным чиновничьим рангом, а значит, давало особые права в юридической сфере.

Например, при встрече с уездным магистратом или другими местными чиновниками он мог называть себя «учеником» и не обязан был кланяться на коленях. В случае гражданского спора ему не нужно лично являться в суд — он мог направить слугу подать иск.

Если же дело доходило до уголовного преступления, его нельзя было подвергать телесному наказанию без специального разрешения: сначала судья должен был подать доклад вышестоящим инстанциям о лишении его звания, и только после этого можно было применять наказание. Более того, по закону цзюйжэней следовало рассматривать отдельно от простых людей: за незначительные проступки их могли просто освободить от ответственности.

Эти привилегии, казалось бы, мелочь, но на деле чётко обозначали социальное превосходство и укрепляли статус цзюйжэня как представителя среднего класса.

Не говоря уже об освобождении от налогов, повинностей и воинской повинности.

Более того, он мог брать под своё покровительство крестьян, чтобы и они избежали этого бремени!

Иногда даже землевладельцы или крестьяне специально «дарят» свои поля цзюйжэню, записывая их на его имя, чтобы избежать высоких налогов. Взамен цзюйжэнь ежегодно получал с таких земель долю урожая — стабильный и почти беззаботный доход.

Отсюда и пошла поговорка: «Бедный суйцай — богатый цзюйжэнь».

Кроме того, цзюйжэнь имел право держать слуг и служанок.

Простые люди, даже очень богатые, не могли позволить себе слуг — ведь для этого требовался не капитал, а статус.

Однако Вэнь Жунь получил звание цзюйжэня слишком тихо. В крошечном Ляньхуаао никто и не поднял шума. Поэтому, лишь закончив все дела, он отправился в уездную академию и устроил пир.

Ему нужно было не только утвердить свой новый статус, но и широко заявить о себе.

Вэнь Жунь теперь — совсем не тот, кем был раньше.

Он больше не робкий книжный червь Вэнь Суйцай. Теперь он — господин Цзюйжэнь Вэнь!

Именно поэтому Вэньцзячжуань и впал в панику: они действительно боялись, что Вэнь Жунь их возненавидел.

А на самом деле... он действительно их ненавидел.

— Это... это правда? — запнулся дедушка Чжань. — Они не могут на тебя повлиять?

— Не могут и не смогут, — теперь Вэнь Жунь понял, чего именно боялся староста. — Будьте спокойны, теперь весь Ляньхуаао находится под моей защитой. К тому же я купил землю. Посмотрите, у кого в деревне есть лишние рабочие руки — пусть арендуют мои поля. Ставка арендной платы — всего два урожая из десяти.

Два урожая — это гораздо меньше обычных трёх-четырёх, принятых в округе.

Даже налоги арендаторы будут платить через семью Ванов. Вэнь Жунь прикинул: в итоге с урожая уходило примерно 40-50% на налоги. При этом крестьяне сами несли расходы на семена и труд. А он ничего не делал и получал половину их урожая — вполне достаточно. Он был доволен и не жадничал.

Скромный и довольный жизнью Вэнь Жунь вызвал у дедушки Чжана такое же чувство удовлетворения:

— Этим делом займусь я лично — можешь не сомневаться, всё устрою как надо!

В Ляньхуаао, кроме всего прочего, хватало и свободной рабочей силы. А теперь, когда Вэнь Жунь находился в деревне, жителям больше не грозили повинности — так что бездельников и вовсе было хоть отбавляй! Раньше люди боялись расширять посевы: чем больше земли обрабатываешь, тем выше налоги.

Да и арендная плата в два урожая из десяти — просто щедрость! Достаточно пару лет потрудиться, и, даже если не разбогатеешь, хотя бы сытным хлебом не обделаешься.

Вэнь Жунь с дедушкой Чжанем проговорили чуть ли не полдня. В обед, несмотря на то что в доме старосты подавали уже второй приём пищи, Вэнь Жунь не остался, а вернулся домой.

В доме Ванов в обед всегда подавали лёгкие закуски и горячий суп. Вернувшись, Вэнь Жунь выпил миску горячего бульона и спросил жену Чэнь Цяна:

— Может, купить ещё немного баранины?

Зима здесь, конечно, не такая лютая, как на северо-востоке в его прошлой жизни, но и не особенно тёплая — особенно из-за сырости. А когда выпадал снег, становилось по-настоящему

холодно.

Здесь не дул сухой северо-западный ветер, но и чистый северный ветер был достаточно пронизывающим, чтобы заставить дрожать от холода.

— Баранину у нас редко едят, — задумалась жена Чэнь Цяна. — Может, лучше купить пару петушков? Куриный бульон тоже хорошо греет.

Ведь кур и петухов в округе водилось немало.

— Ну что ж, купите, — согласился Вэнь Жунь. — А на улице можно что-нибудь заморозить?

Он привык к тому, что на северо-востоке зимой улица служила естественным холодильником: при минус двадцати градусах всё можно было спокойно выносить на улицу, и холодильник весь сезон стоял пустым и даже не включался.

— Можно, конечно, — улыбнулась жена Чэнь Цяна, — но лучше брать свежее, живое. Так вкуснее.

— Тогда покупайте живых, — легко согласился Вэнь Жунь. В таких вопросах он никогда не упрямялся.

Как говорится: «Послушаешь совет — сыт будешь!»

Жена Чэнь Цяна ушла — теперь ей предстояло обратиться к второму молодому господину за деньгами. Вторым молодым господином был Ван Цзюэ.

Именно он вёл домашние расходы и распоряжался карманными деньгами. Вэнь Жунь с самого начала не стал менять этот порядок, и у Ван Цзюэ появилось ощущение, будто он обладает настоящей «властью».

Мальчик очень трепетно относился к деньгам.

В тот вечер всё прошло спокойно, но перед сном Вэнь Жунь заметил, что за окном начал падать снег.

Он снова надел тёплую одежду, накинул лисью шубу и вышел проверить: плотно ли закрыты ворота, заперта ли калитка, достаточно ли прогреты печи-каны и хватает ли угля в печах для обогрева.

— Господин такой заботливый! — улыбнулся Лю Лаосы, увидев, как Вэнь Жунь заглядывает в

их комнату, проверяя печку и каменные каны.

— Не заботливый я, а боюсь, что вы простудитесь, — недовольно буркнул Вэнь Жунь. — В следующий раз перед сном не пейте так много! Если холодно — топите, угля и дров у нас хоть завались!

Он уловил в дыхании Лю Лаосы отчётливый запах браги.

Ему стало неприятно: зачем пить столько спиртного перед сном?

Но Лю Сань тут же громко рассмеялся:

— Господин, он просто в кухне тайком съел миску клёцек в рисовом вине! Мы вообще не пьём алкоголь!

— А у вас ещё и клёчки в рисовом вине есть? — удивился Вэнь Жунь. Он ведь ещё не ужинал и не знал, что сегодня на ночную еду в кухне именно это.

— Да, — пояснил Чэн Лаоу. — Жена Чэнь Цяна сказала, что ночью это хорошо греет. Сейчас вам тоже принесут. Мы уже поели — так теплее спать.

— А, ну ладно, — Вэнь Жунь слегка смутился и потер нос. — Я не то чтобы запрещаю вам пить... Просто сейчас ведь ни праздник, ни праздник — зачем пить? Подождём до Дунчжи (дня зимнего солнцестояния), тогда и отметим как следует.

Согласно обычаям этого времени, весь год жили по солнечным терминам. Особенно важно было отмечать Дунчжи — в этот день обязательно ели пельмени. Говорили: «Пельмени на Дунчжи, лапша на Сячжи (день летнего солнцестояния), а в Саньфу — лепёшки с яичницей».

Остальные лишь добродушно усмехнулись: «Наш господин и правда очень заботливый человек».

Позже, вечером, Вэнь Жунь сидел в своей библиотеке и просматривал домашние счета. Несмотря на то что в доме стало больше людей, расходы выросли не так сильно. Главное — теперь у них было полно всего: еды, вещей, посуды. Семья Ванов уже давно не была той нищей семьёй, какой была раньше. У них появилась прислуга: готовили, убирали, стирали, заправляли постели.

Вэнь Жуню наконец-то не нужно было самому крутиться у печки!

К тому же родители учеников регулярно приносили разные подарки в качестве «шу суй» (традиционного вознаграждения учителю). Хотя Вэнь Жунь никогда не требовал платы за

обучение, все равно приносили что-то — лишь бы дети хорошо учились.

Ещё плотник наконец-то закончил делать счёты. Вэнь Жунь решил, что завтра начнёт преподавать ученикам «Цзю чжан суань шу» («Математику в девяти главах»), дополняя древние методы своими знаниями из современной математики и обучая обращению со счётами. Главное — чтобы дети не выросли «неграмотными в цифрах»!

Просматривая бухгалтерскую книгу и подсчитывая, сколько у них осталось свободных средств, Вэнь Жунь думал: в этом мире нет никаких гарантий. Нужно обязательно оставить про запас продовольствие на целый год, а также немного денег и ткани.

В следующем году землю отдадут в аренду, а осенью снова поступит урожай. Вэнь Жунь не собирался продавать зерно — он считал, что только запасы в амбаре дают настоящее спокойствие. Ведь в это время то и дело случались стихийные бедствия и войны. Юань Дао рассказывал, что на юге от префектурного центра сейчас бушуют бандиты. А ведь это — самое богатое и плодородное место в империи, настоящее «цзяннаньское изобилие».

Именно из-за этой бандитской угрозы его «мужа» Ван Цзюня и призвали на службу — не хватало солдат для подавления мятежа. Сейчас никто не знал, жив ли он, или погиб... Никаких вестей не приходило.

По логике, если бы с ним всё было в порядке, он хотя бы прислал бы весточку — ведь он так тревожился за младших братьев и сестёр!

Что будет, когда они наконец встретятся — никто не знал.

Погружённый в эти мысли, Вэнь Жунь вдруг услышал, как дверь его библиотеки тихо открылась — и в комнату кто-то вошёл.

<http://bllate.org/book/15642/1398064>